

ГОСТЬ НОМЕРА

Научная статья
УДК 141

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-1-11>

ЧТО ТАКОЕ НЕОКАНТИАНСТВО

В. Н. Белов

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия

e-mail: belov_vn@pfur.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка определения своеобразия ведущего направления мировой философии конца XIX – начала XX вв. Причем акцент сделан на двух важных аспектах этого своеобразия: отношение неокантианцев к Канту и их настойчивое стремление начать традицию трансцендентальной философии с философии Платона. В отношении неокантианцев к Канту в статье выделяются, прежде всего, четыре основных особенности. Кант неокантианцев – это, во-первых, Кант исторический, во-вторых, Кант системный, в-третьих, Кант как «дух» трансцендентальной философии, импульс для дальнейшего развития (понять Канта, значит пойти дальше него) и, наконец, в-четвертых, Кант современный, по-

могающий решать значимые проблемы современности. Что же касается значения Платона для всей традиции идеалистической трансцендентальной философии, то здесь несомненно убеждение неокантианцев в том, что именно с Платона начинается путь научной философии, задачей которой является выяснение условий возможности науки в познании природы, человека и общества.

Ключевые слова: Марбургская и баденская школа неокантианства, Коген, Виндельбанд, Кант, Платон.

Для цитирования: Белов В. Н. Что такое неокантианство // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 1. – С. 11–26. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-1-11>.

Original article

WHAT IS NEO-KANTIANISM

V. N. Belov

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

e-mail: belov_vn@pfur.ru

Abstract. The article attempts to define the uniqueness of the leading trend in world philosophy of the late 19th – early 20th centuries. Moreover, the emphasis is placed on two important aspects of this uniqueness: the attitude of neo-Kantians to Kant and their persistent desire to begin the tradition of transcendental philosophy with the philosophy of Plato. In the attitude of neo-Kantians to Kant, the article highlights, first of all, four main features. The Kant of neo-Kantians is, firstly, historical Kant, secondly, systemic Kant, thirdly, Kant as the «spirit» of transcendental philosophy, an impetus for further development (to understand Kant means to go beyond him) and, finally, fourthly, modern Kant, helping to solve significant problems of our time. As for the significance of Plato for the entire tradition of idealistic transcendental philosophy, here the neo-Kantians are undoubtedly convinced that it was with Plato that the path of scientific philosophy began, the task of which is to clarify the conditions for the possibility of science in the knowledge of nature, man and society.

Key words: Marburg and Baden school of neo-Kantianism, Cohen, Windelband, Kant, Plato.

Cite as: Belov, V. N. (2025) [What is neo-Kantianism]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 11–26. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-1-11>.

Введение

Что же такое неокантианство: осталось ли оно временным и институционально ограниченным определенно оформленным философским феноменом, либо, действительно, неокантианство открыло ту обращенность к Канту, которая непременно будет востребована всегда вновь актуально, когда бы и при каких бы то ни было обстоятельствах не происходил данный возврат к Канту? Здесь мы не находим единого мнения. Как среди отечественных, так и среди западных исследователей неокантианства есть представители, отстаивающие точку зрения на неокантианство как устоявшийся в определенных временных и содержательных границах философский феномен, который имеет в данном случае лишь историческое значение. Вот рассуждение известного отечественного философа П. П. Гайденко, как яркий образец описанной выше позиции: «И хотя сегодня неокантианство стало уже фактом истории западной мысли, но без этого факта невозможно понять сегодняшнюю ситуацию, сложившуюся в философии науки. Ибо знание истории дает ключ к пониманию настоящего» [23, с. 210].

Хотелось бы несколько слов сказать и обо всем сборнике «Кант и кантианцы», в котором опубликована статья профессора Гайденко. Без сомнения, выдающийся сборник, свидетельствующий о том, что отечественная история философии в отношении исследований неокантианства находилась на уровне западных аналогичных исследований. Я имею в виду то, что и на Западе интерес к неокантианству зарождается в 70–80-е годы [28].

Второй момент идеологического плана заставляет удивиться и восхититься тем фактом, что этот сборник вообще мог появиться во время жесткого идеологического противостояния марксистской и буржуазной философии. При всех необходимых в то время ссылок на правоту марксизма-ленинизма и социального лицемерия буржуазной философии, отечественным авторам удалось достаточно точно и всесторонне осветить основные проблемы исследования марбургского неокантианства. Однако, к сожалению, эта публикация на долгие годы оставалась единственной серьезной публикацией по марбургскому неокантианству не в последнюю очередь и из-за той убежденности авторов сборника, что неокантианство представляет из себя лишь историко-философский интерес, который в общем-то исчерпывается теми сюжетами, которые представлены в сборнике.

Приведу еще одну мысль другого автора сборника известного отечественного кантоведа В. А. Жучкова:

«Основным пафосом неокантианской интерпретации критической философии (да и всякой критики Канта «справа») было противопоставление ее «смысла» – «букве», «живого духа» – «мертвой оболочке», «метафизической скорлупе» «подлинного», «истинного» содержания – «истории» кантова открытия и т. д. (Здесь Жучков ссылается на Наторпа и Виндельбанда – В. Б.). Но эти громкие слова на деле служили лишь прикрытием для произвольных толкований, в которых отдельные аспекты кантовской философии объявлялись ее «истинной сущностью» и использовались в качестве основы для конструирования собственных концепций, радикально отличных от кантовской не только по букве, но и по духу, по способу постановки и характеру решения основных гносеологических вопросов» [26].

Проблема актуальности неокантианства в современной западной философии приобрела черты острой дискуссии, которая имеет достаточно широкий разброс сюжетов от возможности постмодернистской трактовки философии Когена [51] до исследования вопроса о том, действительно ли в известной Давосской полемике неокантианца Э. Кассирера и фундаментального онтолога М. Хайдеггера в 1929 году победа осталась за последним. Серьезные усилия по актуализации неокантианства предпринимаются сегодня следующими исследователями: Пома [30; 52], Бертолино [40], Гамба [45; 46], Норас [50], Видебах [57; 58], Добер [42], Дворкин [43], Сокулер [33; 34; 32], Дмитриева [25; 24], Семенов [31], Хольцхей [47], Штольценберг [53], Цайдлер [59; 60], Крайнен [48], Бох [41], Эдель [37; 44] и автор этой статьи [13; 4; 14; 8; 11; 10; 39; 15; 7; 16; 9; 54; 56; 3; 1; 5; 12; 17; 2; 55; 6].

Кант и неокантианство

Манфред Кун (Manfred Kuhn) в своей статье задается вопросом: «Была ли неокантианская интерпретация Канта корректна?». И отвечает: «Если под “корректной интерпретацией” мы подразумеваем, что они следовали точно кантовским текстам, то ответ однозначно должен звучать “нет”. Их интерпретация абсолютно неадекватная, как попытка интерпретировать собственное намерение Канта... но это и не было их целью. Они и не полагали следовать букве Канта, но только духу его мысли» [49].

Фредерик Байзер (Frederick C Beiser) утверждал, что неокантианство было попыткой отреагировать на два интеллектуальных кризиса, охвативших немецкую философию в 1850-х и 1860-х годах. Первым был спор о материализме, спор о том, неизбежно ли естествен-

нонаучные исследования приведут к материализму и атеизму. Второй кризис – это то, что Байзер называет «кризисом идентичности» в философии – вопрос о том, каков собственно предмет философии. Этот вопрос был доведен до критической точки из-за растущего осознания того, что такие дисциплины, как математика, физиология и психология, становятся успешными в решении вопросов, которые со времен Аристотеля принадлежали к философии: например, природа пространства или природа ощущения, восприятия и опыта. С этой точки зрения, что такое неокантианство, это было движение в философии, которое, в первую очередь, было направлено на установление правильных отношений между философией и науками, включая математику, физику и психологию [38].

Понятно, что речь необходимо вести о развитии кантовской философии в новых культурно-исторических и теоретико-научных условиях. Но уже в следующем мыслительном движении в обозначенном направлении возникает трудность, связанная с величиим замысла и противоречивостью его осуществления в философской системе И. Канта. Поэтому реализовались изначально две философские – опускаем здесь известные филологические – возможности дальнейшей работы с кантовскими текстами и кантовскими идеями: назовем их условно апологетически-догматическая и условно-кантианская. Первая возможность исходила из того, что кантовская система – это законченный философский универсум, несовершенный, противоречивый, но вполне самодостаточный и поэтому необходимо прилагать усилия в его совершенствовании. Так родилось ортодоксальное кантианство, и здесь, конечно, филологические кантовские штудии, особенно на ранней стадии кантовских исследований, сыграли и продолжают играть существенную роль. Хотя Кант и стремился не вводить новых терминов, о чем он сам пишет, а использовал уже существующие, но поистине революционные философские преобразования, которые произвела кантовская философия, само собой, не могли не повлечь за собой и терминологическую революцию. И этот дух правильного понимания и истолкования кантовских понятий, распространяясь на новизну кантовского мышления в целом, стал определяющим для формирования философского направления, которое постепенно присвоило себе право именоваться истинными кантианцами, а все другие варианты интерпретаций кантовского наследия – тем или иным извращением последнего, ничего общего с кантовской философией не имеющими.

Еще при жизни Канта с его критикой выступил теист Фридрих Генрих Якоби [36], которого, в свою очередь, буквально «разнесли» правоверные кантианцы. О характере защиты Канта кантианцами

смотри, например, статью С. А. Чернова «Кантианцы против Якоби», где автор, в частности замечает: «для многих правоверных кантианцев Якоби в сравнении с Кантом, по определению Куно Фишера, просто-напросто «низшая монада», которая была не в состоянии понять и оценить подлинный смысл кантовской философии. Не составляет труда подобрать цветистый букет подобных пренебрежительно-высокомерных оценок» [35]. Из наиболее известных правоверных кантианцев следует назвать Адикеса, Эрдманна, Паульсена и Файхингера, которых за чрезвычайно трепетное отношение к текстам Канта называют «кантофилологами».

Другой подход к развитию кантовской философии в его предельно широком варианте выразил М. Фуко, повторив слова В. Виндельбанда о том, что все, философствующие после Канта в той или иной степени кантианцы, включая и тех из них, которые пытаются откеститься от Канта. Здесь мы сталкиваемся с пониманием поистине эпохального значения кантовской философии, которая в той или иной степени должна сопутствовать любой стремящейся к фундаментальности послекантовской философской конструкции. И, действительно, нет ни одного современного известного мыслителя, который бы обошел полным молчанием смыслы, заложенные кантовским критцизмом, так как сама философия получила именно в кантовской системе свое понятное самоопределение, вновь – после античного периода – став самодостаточной. Первым таким опытом самостоятельного «прочтения» кантовской философии стала философская система Фихте, который, как известно, искал одобрения своим поискам у Канта, но, по вполне понятным причинам, его не получил. Однако, как показали дальнейшие события, не расстроился, а верно оценив то, что вторым Кантом ему – да и кому бы то ни было – стать не суждено, остался на своих позициях, создав свое оригинальное философское учение. Еще меньше даже в своих первоначальных намерениях следовать аутентичному Канту предполагали Шеллинг, Гегель, Фейербах и все последующие феноменологии, фундаментальные онтологии, представители герменевтики, философии жизни, экзистенциализма и т. п. Для всех них Кант стал фигурой, который учит мыслить широко, самостоятельно, творчески, в том числе и по отношению к самому немецкому философу.

Таким образом, обобщая и схематизируя, мы можем утвердить два наиболее распространенных подхода к тому результату, который мы получили от коперниканского переворота Канта: консервативный и либеральный, охранительный и революционный, догматический и символический – здесь можно подобрать множество подобных антиномических определений.

И это не будет нашим искусственным конструктом. Именно так позиционируют себя сами представители выделенных нами подходов и по отношению к самим себе, и по отношению к противоположному лагерю, имея в виду, конечно, философский критицизм Канта. Собственно, из этих позиций оказывается, что другого, третьего в подходе к Канту не дано. И нам предстоит выяснить, так ли это на самом деле.

Вильгельм Виндельбанд, как, прежде всего, историк философии, выделил главный нерв всей истории философии, включая и философии Канта, и с этих позиций оценивал и Канта, и одновременно предлагал свой вклад в развитие этой традиции. Именно поэтому историко-философски и филологически звучащий призыв Либмана, Виндельбандом переосмысливается. В Предисловии 1883 года к своим «Прелюдиям» он подчеркивает: «Все мы, философствующие в XIX в., – ученики Канта. Однако наше “возвращение” к нему сегодня не должно быть простым повторением исторически обусловленной формы, в которой он выразил идею критической философии. Чем глубже постигается антагонизм, существующий между различными мотивами его мышления, тем больше средств может быть в них открыто для разработки проблем, которые Кант создал, решая поставленные им проблемы. Понять Канта – значит пойти дальше, чем он» [20]. Итак, третий путь может быть понят из известных слов Виндельбанда, но только в том случае, если мы будем оба члена его суждения брать в неразрывном единстве и взаимодополнительности: мы должны понимать Канта, и мы должны идти дальше; понимать, чтобы идти дальше, идти дальше, чтобы понимать. Именно об этом говорит и другой выдающийся неокантианец Пауль Наторп: «сначала нужно ясно выяснить буквальный смысл принципов Канта и понять их из собственных его, установленных по источникам, основных идей и только потом обратиться к попыткам дальнейшего их развития. Чтобы решить этот вопрос, мало быть историком философии, а нужно быть самому философом» [29, с. 121].

Здесь Наторп задает еще один вектор осмысления самой философии в рамках неокантианства: как в ней должны быть представлены история философии и сама (теоретическая) философия. Данный аспект также лежит в плоскости нашей главной темы.

Так, например, В. Виндельбанд по праву считается одним из лучших историков философии¹, однако в отличие от многих историков философии стремится показать эту самую историю как развитие, причем достаточно увлекательное, философских идей и концептов, а не историю философов. Он указывает на то, что любой философ рождается не в безвоздушном пространстве, а в пространстве господствующих философских убеждений, сложившихся философских предпочтений и оценок и в тоже самое время в пространстве никогда не прекращающегося спора различных философских школ и направлений, непрерывающегося спора самой изменяющейся историко-культурной и научной обстановки и предшествующих философских построений. Поэтому любой философ изначально должен быть историком философии, чтобы почувствовать и понять, какие из множества философских концепций наиболее интересны и востребованы и насколько они отвечают собственным размышлениям философа, живущего в определенной социально-культурной и научной среде.

И все же различия между историей философии и философией есть, о чем свидетельствует и философская история самих основателей неокантианства – Виндельбанд приходит к Канту и развитию его философии через историю философии, Коген – через теоретическую философию. Понимая сложность своего подхода, сам Коген в Предисловии к «Теории опыта Канта» в 1871 г. отмечает: «...при исключительно систематическом рассмотрении теоретико-познавательной проблемы нелегко быть вполне уверенным в том, насколько *зрелый* Кант прав в отношении идеализма или реализма, насколько он исторически предзадан» [27, С. 70]. Однако он находит выход, находит решение в ходе «кропотливой», как он сам пишет, работы, филологической работы над текстами Канта: «Я видел, как систематическое противоречие и историческое заблуждение обуславливали друг друга. На этом методическом пути, взаимосвязав систематическую и историческую задачи, я, в конце концов, освободился от сомнения в истинности мною предпринимаемого»² [27]. Таким образом, для Когена не вызывает сомнения тот факт, что только филологическое исследование ограничено и неизбежно требует анализа своего контекста: «Чтобы понять Канта в его словоупотреблении, необхо-

¹ См., например, мнение русского ученика Виндельбанда Яковенко: «В лице Виндельбанда мы видим, прежде всего, самого выдающегося историка философии последнего пятидесятилетия» (Статья впервые опубликована в журнале «Вопросы философии и психологии» в 1916 г., то есть сразу после смерти немецкого философа) – Яковенко Б. Вильгельм Виндельбанд // Вильгельм Виндельбанд. Избранное: дух и история. М., 1995. С. 659. И далее дает еще более сильную оценку историко-философской деятельности гейдельбергского философа: «Виндельбанд – первый историк философии, создавший живую историко-философскую схему. И потому он, собственно, первый историк философии вообще в прямом и точном смысле этого слова». – Там же. С. 661.

² Там же.

дим специально проверить различные восприятия, которые оно сделало возможными, относительно их ценности для теории познания: привлечение систематики неминуемо. Ведь речь идет не просто о внешнем использовании слов, которые должны быть установлены, но о контексте законченных мыслей, чей смысл историческое исследование должно высветить...»³. Подобную свою позицию Коген называет «метакритикой».

Эти же самые размышления о философской традиции становятся точкой отсчета и для самостоятельного философствования. Поэтому для В. Виндельбанда очевидно, что историк философии и просто философ понятия нераздельные, поскольку «общая сущность всех тех продуктов духовной деятельности, которые подходят под категорию философия, и дает истории философии ее содержание, ее цель и назначение; она делает знакомство с историей философских учений необходимой основой не только ученой подготовки, но и образования вообще, ибо история философии учит, как выработались те понятия, на основании и при помощи которых мы судим и думаем как в повседневной жизни, так и в сфере социальных знаний о мире нашего опыта» [19, с. 17–18]. Только совмещение в работе философа и теоретических, и историко-философских задач позволяет выявить прогресс в развитии философии, и именно такая история философии способна «показывать на основании соответствующего выбора материала постепенный прогресс научного духа...» [22, с. 54].

Подобной же точки зрения на тесную взаимосвязь истории философии и философии, как я уже показал, придерживается и Герман Коген. Причем свои рассуждения на данную тему они высказывают почти одновременно, повторяя друг друга почти дословно. «Поскольку мы рассматриваем историю философии, – замечает Коген, – не с точки зрения истории литературы, но как идеал познания, который сам осуществляет философию, то мы исторически стоим на более высокой ступени, чем стоял сам Кант; так как его творение является нашим образованием» [27, с. 85].

Таким образом, мы можем констатировать как бы двойной импульс самостоятельного исследования кантовской философии со стороны Виндельбанда и Когена – общий для них обоим и специфический для каждого в отдельности. Общим стал, можно сказать, социальный заказ времени, выраженный в словах Либмана «Назад к Канту», который одновременно наложил на внутренний вопрос этих немецких мыслителей: а, собственно, к какому Канту предлагается вернуться? Этот вопрос у Виндельбанда сформиро-

вался в результате его историко-философских штудий, когда он писал увлекательную историю развития философских идей и концептов, поэтому и Кант у него сразу приобретает не-догматический характер. Такой же характер он получает и в подходе Когена, который в споре двух выдающихся немецких исследователей Адольфа Тренделенбурга и Куно Фишера воочию убедился в многоликости Канта.

Для того, чтобы более четко и однозначно отличить свой подход к Канту от других многочисленных подходов, которые родились, в том числе, и под лозунгом О. Либмана «Назад к Канту», но отличить его на широком фоне развития всей духовной жизни, однако опять же для более детального объяснения характерных черт этого отличия, ограничивая данный фон временем и местом, таким образом, не довольствуясь теми «широкими мазками» относительно указанной темы в своих историко-философских произведениях, следует выделить два взаимосвязанных момента, на которых настаивают немецкие философы, определяя специфику неокантианского подхода к кантовскому учению:

Во-первых, это недогматическое, не ученическое отношение к концептуальным построениям пусть даже такого великого философского мастера, как Кант, которое диктовалось пониманием исторической обусловленности любого человеческого сознания, любого даже самого великого ума. «Нам не следует, – в который уже раз подчеркивает Виндельбанд, – стремиться быть кантианцами в том смысле, чтобы наша философия была догматически сведена к данному содержанию учений или даже к дословному повторению мыслей великого мастера. Там, где подобные попытки предпринимаются, а они в самом деле предпринимаются, возникает бесплодное одиночество, односторонность и замкнутость. Ибо каждая философская система дышит в духе и букве жизнью своего времени и не может быть в застывшей неизменности навязана новому поколению» [21].

Хотя неокантианцы считали фундаментальным в своей философии существование априорных категорий и принципов, делающих возможным познание, они не соглашались с тем, что категории и принципы, выявленные в «Критике чистого разума», были полными или неизменными на все времена. В частности, марбургские неокантианцы считали, что некоторые категории и принципы, определенные Кантом, относились к научным теориям времен Канта, и что категории и принципы могут изменяться по мере разработки учеными новых эмпирических теорий. Неокантианцы расширяют кантовский проект фило-

³ Там же. С. 71.

софии науки в двух важных отношениях. Во-первых, они уступают место динамичному качеству научных знаний. В то время как Кант, похоже, хотел навсегда закрепить евклидову геометрию и ньютоновское естествознание, а именно, показывая, что эти науки имеют свою основу в необходимой структуре познания, неокантианцы признают, что наука подвержена периодическим потрясениям. Во-вторых, они расширяют круг наук, которые входят в сферу трансцендентального исследования. В то время как Кант отрицал, что историческое исследование может быть по-настоящему научным, баденская школа предлагает подходить к исторической науке в соответствии с кантовскими принципами, эффективно задавая те же вопросы, которые их коллеги из марбургской школы задают естествознанию: какой тип объекта или явления дает историческое знание, и каковы «логические формы», посредством которых он конституируется?

Однако, это недогматическое отношение, во-вторых, должно опираться на системное проникновение в кантовское учение. Недостаток ранних обращений к Канту, как со стороны ученых естествоиспытателей, так и со стороны тех философов, которые готовили почву неокантианству, состоял, согласно Виндельбанду, в том, что все они ориентировались только на какую-то часть кантовской философии, превращая ее в целое кантовской системы. Для Целлера, Гельмгольца и других немецких естествоиспытателей самое важное в кантовской философии было противостояние всякой метафизике и ограничение познания человеческим опытом. «В нарождавшемся неокантианстве» Фридриха Альберта Ланге и Куно Фишера Кант также представлен слишком односторонне. В частности, Ланге «толкует кантовское учение вполне эмпирически, даже с сильным антропологическим оттенком, считая, что общезначимые формы всех опытных наук обоснованы специфической сущностью человека»⁴ [21]. Такой подход, по мнению Виндельбанда, вполне соответствовал духу времени, когда философское мировоззрение, как нечто надстраивающееся над обычным, опытным мировоззрением, казалось излишним. Фишер же в центр своих кантовских интерпретаций поставил «непознаваемость вещи в себе, на этом он построил развитие Канта, из этого вывел его систему и объяснил, исходя из этого, влияние Канта на его время и на учения его первых последователей»⁵.

⁴ Там же. С. 337.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 337.

⁷ Там же. С. 356.

⁸ Там же. С. 355.

Сам же родоначальник баденского неокантианства находит центральный пункт системы кантовской философии в «Критике способности суждения», которая, с сожалением замечает Виндельбанд, «осталась тогда непонятой и остается непонятой до настоящего времени в некоторых постоянно читающихся изложениях его философии, авторы которых склонны считать блестяще данную систематическую сторону его учения ошибкой великого мыслителя»⁶.

Но, на мой взгляд, не в данных двух моментах видит Виндельбанд главную задачу и заслугу неокантианства. Только такой подход к учению великого идеалиста всех времен и народов, а именно, одновременно и исторический, и системный, позволяет философии оставаться актуальной и способной откликаться на «вызовы своего времени». То есть, востребованность и своевременность философии должны быть теми вопросами, которые стоят на повестке дня любого философа. И то, что сам Виндельбанд не только призывал философов, что называется, держать руку на пульсе времени, но и обладал даром проникновения в суть происходящих вокруг него событий, свидетельствует последняя часть его работы под заглавием «Новые проблемы ценности и возвращение к идеализму». Эту часть работы можно считать неким философским завещанием выдающегося немецкого философа, в котором он, гораздо ранее многих других мыслителей XX века (в частности, Ортега и Гассет опубликовал знаменитую работу «Восстание масс» только в 1930 г.), отмечая уже в 1908 г. (именно тогда он читал эти лекции, изданные отдельной книжкой в 1909 г.) все признаки массового, глобализирующегося мира, сетовал на «обмельчание» философии, которая, по его мнению, растворилась в истории философии, с одной стороны, и эмпирической психологии, с другой. Сам же философ выделяет главную дилемму современного ему общественного развития, которая должна стать основной темой для философских размышлений: это – проблема, «как примирить ценности внутренней жизни личности и массовые ценности внешней жизни в свободном от противоречий единстве»⁷. Поэтому немецкий мудрец ожидает от философии размышления «о вечных ценностях, которые, возвышаясь над меняющимися временными интересами людей, обоснованы высшей духовной действительностью»⁸.

Вообще привлекают в этих рассуждениях немецкого философа меткие и точные характеристики и скрытые пока тенденции, как на уровне целостной социальной жизни современного ему общества, так и на уровне философской рефлексии того времени. Можно только поражаться той прозорливостью, с которой написаны многие строки в этой части. Их можно цитировать как строки современного нам с вами философа, разницы в более чем сто лет как и не бывало. Характерно его внимание образовательной системе Германии, которая и позволила стране стать ведущей научной державой XIX – начала XX веков.

Таким образом, при всем пиетете к Канту изначально в неокантианстве избирается историко-философский подход, который, хотя и признает великие заслуги кенигсбергского мудреца, поддерживает устоявшееся убеждение о его революционных изменениях в философском мышлении предыдущих эпох, тем не менее вписывает его «революционность» в определенную философскую традицию, традицию перманентных – больших или малых – философских революций. Поэтому Кант Виндельбанда и Когена – это не кенигсбергский затворец, а чуткий и внимательный эрудит, следящий за современными ему философскими тенденциями, прекрасно разбирающийся в их ценности и стремящийся согласовать эти тенденции с теми собственными философски значимыми мыслями и идеями, которые рождались у него под влиянием «духа времени»⁹.

Помимо встраивания Канта в более глубокую философскую традицию при всей его революционности, подобный историко-философский подход неокантианцев закладывал и более критичный взгляд на самостоятельность и революционность основателя трансцендентальной философии. Говоря о его достижениях, они одновременно мыслили и историческую обусловленность, а потому и ограниченность данных достижений.

Но для того, чтобы правильно оценить эту ограниченность, самим неокантианцам нужно было вписать свою собственную философскую позицию в современную философскую тенденцию. И здесь неокантианцы сталкиваются с существующей уже традицией кантовских исследований, с одной стороны, и с общекультурным призывом Либмана, свидетельствующим не только о том, что современные Либману научные успехи требовали своего фундаментально-культурного осмысления, но и о том, что упомянутая традиция кантовских исследований находится в неудовлетворительном состоянии, с другой. То есть им было необ-

ходимо распространить свой историко-философский подход и на самих себя. Что, на мой взгляд, им вполне удалось.

Поэтому первое, что мы должны признать в качестве характернейшей черты неокантианства – *это реальное возвращение к Канту, возвращение серьезное, не уступающее, а скорее даже превосходящее те возвращения, которые мы находим у кантианцев и кантофилологов*. Совершенно очевидно, что неокантианцы считали себя возрождающими, защищающими и расширяющими философию Канта. Они заимствовали лексику Канта и некоторые из его ключевых идей и аргументов. Они писали комментарии к основным произведениям Канта и часто излагали свои собственные взгляды в форме комментариев или интерпретаций Канта. Тем не менее они никогда не считали себя ортодоксальными кантианцами и не видели ценности в защите взглядов Канта по всем вопросам.

Второй момент, который следует принимать в неразрывной связи с первым, и который, собственно, разделил неокантианцев и кантианцев, – *это понимание того, что при всей революционности кантовских открытий, они тем не менее вписаны в более общую философскую традицию, и что при всей гениальности кенигсбергского мыслителя, он был человеком, человеком своей эпохи, поэтому ему неминуемо должны быть свойственны заблуждения, ошибки, ограниченности, неточности, которые опять же более четко выявляются при взгляде не изнутри кантовской системы, а вне ее, с точки зрения общей философской традиции*.

Поэтому возвращение к Канту воспринимается родоначальниками неокантианства как *тройная задача*: поместить Канта в более общую философскую традицию, оценить революционность его изменений этой традиции, выявить ошибки кантовской системы, что позволит опять же этой традиции развиваться дальше. Таким образом, помещая Канта в философскую традицию, неокантианцы открывают себе возможность критической интерпретации не только Канта, но и всей традиции, и Канта через свою интерпретацию философской традиции.

Платон и неокантианство

Что касается первой задачи, то она оказывается не такой простой, как кажется на первый взгляд. Кант, ведь, очень мало ссылается на своих предшественников, он лишь поверхностно бросает обвинение прошлым подходам и ведет речь как бы с листа, поэтому неокантианцы предпринимают усилия по реконструк-

⁹ Более подробную картину влияний на взгляды Канта других мыслителей и эволюцию его философской концепции см. В. Виндельбанд. История философии. С. 448–451.

ции и «переоткрытию» тех идей и концептов, которые Кант использует, как бы впервые.

Что касается революционности подхода Канта и возможности «переоткрытия» уже не кантовской системы, а, исходя из этой революционности, всей философской традиции, то здесь мы видим также великолепные образцы и благодарные усилия родоначальников неокантианства по интерпретации философии Платона. «Как бы смог Кант, – вопрошает Коген, – быть истинным оригиналом в философии, если бы он сквозь тысячелетия не был связан с Платоном? И как могла бы такая связь философов быть исторически мыслимой по-другому, чем так, что, хотя в отдельные периоды и времена могут оставаться большие пробелы, в духе же самого философствующего человечества в смене времен и поколений не может быть никакого разрыва, если они принимали творческое участие во всемирно-исторической миссии философии?» [27, С. 78].

Итак, почему же Платон? Именно философию Платона неокантианцы ставят в начало той традиции, к которой они причислили Канта и себя. И его, как и Канта следует рассматривать с двух взаимосвязанных сторон: со стороны его исторической ограниченности и здесь же революционностью внутри этой самой ограниченности, и в то же время предложение таких идей и концептов, которые с этой ограниченностью никак не связаны, а составляют тот общий «дух» трансцендентального идеализма, исчерпать который в чьей-либо, пусть даже сверхгениальной, философской системе просто невозможно. Тесную взаимосвязь этих двух сторон философского творчества Платона, собственно, и подчеркивает Виндельбанд в своем очерке о Платоне за 1901 год, когда вначале исследования он пишет, что в Платоне «культурный идеал человечества – придать своей жизни определенный образ при помощи науки – нашло свое воплощение в виде образца для всех времен. В этом – последняя сущность его личности и лучшее содержание его жизни и его деятельности; в этом глубочайший смысл его учения, сила его исторического влияния и его непреходящее значение вплоть до наших дней.

Эта историческая позиция Платона основана на том, что свои убеждения о сущности, ценности и цели науки, – убеждения, проникающие всю его жизнь и все учение, – он развивал и творил, исходя из потребностей и нужд греческого мира» [18]. А в заключении очерка Виндельбанд уже отмечает: «Рассматривая все мыслительное богатство жизни Платона в его отношениях к греческому миру, из которого он вырос, мы замечаем во всех пунктах своеобразно двойственное

отношение между ними. Все мотивы его мышления вытекают из греческой действительности и сохраняют в духе философа печать своего происхождения, но новый образ, в котором они в нем переплетаются, носит в своих наиболее зрелых и тонких формах чужой, не греческий характер...

Так обстоит дело уже с его чисто научным свершением, с учением о двух мирах. Этические и теоретико-познавательные противоречия между Сократом и софистами, метафизические противоречия между Гераклитом и элеатами, натурфилософские противоречия между Анаксагором и Демокритом – таковы элементы, из которых его диалектика строит свое метафизическое мировоззрение. И вот, – отмечает этот непредсказуемый и непроясняемый до конца «скачек» мысли в мышлении Платона Виндельбанд, – возникает учение о сверхчувственном мире, о высшей действительности, вера в истину, которую не видел ни один глаз и не слышало ни одно ухо»¹⁰ [18]. Коген выделяет в качестве главного связующего основания Канта с Платоном стремление обоих к утверждению тесной связи философии и науки: «Дух, который связывает Платона через Кузанского, Галилея, Декарта, Ньютона и Лейбница с Кантом, тот дух философии – есть дух научной философии, дух той философии, которая определяется через связь с наукой, в отличие от всего, что обычно безобразно разыгрывается как философия» [27, с. 79].

Подчеркивает значение платоновской идеи для Канта и всей традиции трансцендентальной философии и Наторп: «Трехчленность “диалектического метода” так же очевидно была развита Гегелем из указанных, данных Кантом... Впрочем, основания для него можно уже совершенно ясно различить у Платона, когда он в “Софисте” “одному” противопоставляет “другое”, как его другое, его *ἄλλο*, понимая затем это противопоставление как соответствие, как непрерывность, взаимное проникновение, благодаря которому всякое мышление разрешается в движение и в процесс (*κίνησις*). Такое значение имеет его учение о “бытии небытия”, т.е. об относительном небытии, из этого учения выросло когеновское изначальное понятие; в книге Гартмана “Учение Платона о бытии” раскрыто все многостороннее творческое значение этой идеи. В этом уже у Платона несомненно заключалось указание на бесконечное развитие, на мышление как “ограничение безграничного”, которое само вместе с тем бесконечно, т.е. является положительно неисчерпаемым саморазвитием, откуда Кантовская “идея”, как бесконечная задача, впервые становится совершенно прозрачной и принудительной» [29, с. 135].

¹⁰ Там же. С. 489–490.

Заключение

Если попытаться дать самое общее и приближенное определение немецкого неокантианства, то можно отметить следующее: однозначно стремление неокантианцев к обновлению кантовского проекта критической трансцендентальной философии в свете новых открытий, прежде всего, в естественных науках, а также заявление и утверждение своего права на специфику новых гуманитарных наук (психологии, социологии), где кантовский проект понимается как обоснование факта разума, который истолковывается как неоспоримый факт науки.

Основную парадигму, в соответствии с которой они действовали, можно назвать критической и идеалистической. Критической в той мере, в какой кри-

тика является оправдывающим подходом по отношению к существующим открытиям в различных сферах знания, и идеалистической в той мере, в какой отвергается любой реалистический сценарий в опыте и познании чего-либо мирского. Вместо этого почти все проблемы, с которыми имеют дело неокантианцы, работают в соответствии с базовым предположением о том, что нет прямого доступа к миру, к миру вещей самих себе, но все наши знания существуют, представления о мире опосредуются нашим опытом восприятия мира и концептуальными способностями, которыми мы обладаем для его понимания. Эта позиция касается всех основных тем исследования в неокантианстве, будь то наука, культурные артефакты, исторические события или ценности.

Литература

1. Белов В. Н. Автономия разума и религия Откровения в философии религии Германа Когена // Философия религии: аналитические исследования. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 51–64. – <https://doi.org/10.21146/2587-683X-2018-2-2-51-64>. – EDN: VUBGNS.
2. Белов В. Н. Герман Коген об отношениях иудаизма и христианства // Вопросы философии. – 2022. – № 5. – С. 81–91. – <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-5-81-91>. – EDN: VNRYEN.
3. Белов В. Н. Метод бесконечно малых как принцип теории познания в систематических построениях Г. Когена // Вопросы философии. – 2018. – № 3. – С. 68–74. – EDN: YSJEGZ
4. Белов В. Н. Неокантианство. Ч 2. Пауль Наторп. Саратов, 2002. – 108 с. – EDN: THAEYP.
5. Белов В. Н. Понятие религии в системе философии Германа Когена // *Judaica Petropolitana*. – 2018. – № 9. – С. 97–102.
6. Белов В. Н. Психология Германа Когена // Вопросы философии. – 2024. – № 6. – С. 124–134. – <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-6-124-134>. – EDN: UBZQBE.
7. Белов В. Н. Рецепция этики Когена в России // Кантовский сборник. – 2014. – № 4 (50). – С. 98–110. – EDN: SJQVNB.
8. Белов В. Н. Система критического идеализма Германа Когена // Вопросы философии. – 2006. – № 4. – С. 144–150. – EDN: HUGUMJ.
9. Белов В. Н. Современные исследования философии Германа Когена // Вопросы философии. – 2016. – № 6. – С. 218–222. – EDN: WGEWQT.
10. Белов В. Н. Учение Германа Когена в России: особенности рецепции // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / [под ред. И. Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 299–317. – EDN: VXCRCT.
11. Белов В. Н. Философия культуры Германа Когена // Кантовский сборник. – 2008. – № 1 (27). – С. 74–81. – EDN: JSPPVB.
12. Белов В. Н. Философия религии Когена и Наторпа: спор о границе разума // Кантовский сборник. – 2020. – Т. 39, № 3. – С. 54–71. – <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2020-3-3>. – EDN: OXXAVV.
13. Белов В. Н. Философская система Германа Когена : монография. М.: ЛЕНАНД. – 2021. – 256 с. – EDN: YJRLNV.
14. Белов В. Н. Эрнст Кассирер. Философия символических форм. Пер. с немецкого. Т.1. Язык. 272 с. Т. 2. Мифологическое мышление. 280 с. Т. 3. Феноменология познания. 398 с. М., СПб.: Университетская книга. 2002. // Вопросы философии. – 2003. – № 12. – С. 177–182. – EDN: OONDB.
15. Белов В. Н. Этика в системе философского критицизма Германа Когена // Этическая мысль. – 2014. – № 14. – С. 174–199. – EDN: TJJKLV.
16. Белов В. Н. Является ли Герман Коген неокантианцем? // Кантовский сборник. – 2015. – № 3 (53). – С. 38–45. – <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2015-3-3>. – EDN: VIFZCX.
17. Белов В. Н. Философия религии Германа Когена и западное христианство // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2021. –

- № 94. – С. 23–36. – <https://doi.org/10.15382/sturI202194.23-36>. – EDN: DZEYCB.
18. Виндельбанд В. Платон // Вильгельм Виндельбанд Избранное: Дух и история. М. : Юрист, 1995. – С. 365.
 19. Виндельбанд В. История философии. – Киев, 1997. – 553 с.
 20. Виндельбанд В. Прелюдии // Вильгельм Виндельбанд Избранное: Дух и история. М. : Юрист, 1995. – С. 21.
 21. Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия // Вильгельм Виндельбанд Избранное: Дух и история. М. : Юрист, 1995. – С. 295.
 22. Виндельбанд В. Что такое философия? (О понятии и истории философии) // Видельбанд В. Избранное: Дух и история. М. : Юрист, 1995. – С. 22–58.
 23. Гайденок П. П. Принцип всеобщего опосредования в неокантианстве марбургской школы // Кант и кантианцы / А. С. Богомолов [и др.]. – М. : Наука, 1978. – 359 с.
 24. Дмитриева Н. А. Неокантианство и Лев Толстой: от «наукоучения» к учению о человеке // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / Под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 379–400. – EDN: RROSKD.
 25. Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 512 с.
 26. Жучков В. А. Система Канта и ее трансформация в неокантианстве // Кант и кантианцы / А. С. Богомолов [и др.]. – М. : Наука, 1978. – С. 24.
 27. Коген Г. Теория опыта Канта / Пер. с нем. В.Н. Белова. М. : Академический Проект, 2012. – 618 с.
 28. Крайнен К., Белов В. Н. Изучение неокантианства: указания к чтению // Кантовский сборник. – 2008. – № 2 (28). – С. 66–73. – EDN: JUUCZX.
 29. Наторп П. Кант и Марбургская школа // Пауль Наторп Избранные работы. М., 2006. – С. 119–144.
 30. Пома А. Критическая философия Германа Когена / Пер. с ит. О. А. Поповой. – М.: Академический проект, 2012 – 319 с.
 31. Семенов В. Е. Кант и Марбургская школа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2023. – Т. 27, No 3. – С. 541–555. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-3-541-555>. – EDN: CPLSIE.
 32. Сокулер З. А. Герман Коген и его идея логики чистого познания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2021. – Т. 25, No 3. – С. 378–393. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2021-25-3-378-393>. – EDN: YTBАOW.
 33. Сокулер З. А. Герман Коген и философия диалога. М. : Прогресс-Традиция, 2008. – 312 с.
 34. Сокулер З. А. Понятие добродетели в религиозной философии Германа Когена // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2019. – Т. 23, No 4. – С. 398–412. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-4-398-412>. – EDN: WSPXPH.
 35. Чернов С. А. Кантианцы против Якоби // *Credo new*. – 2004. – № 4. – С. 1. – EDN: PIGLKJ.
 36. Чернов С. А. Фридрих Якоби: последователем Канта может быть только сумасшедший! // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2023. – Т. 27, No 3. – С. 513–526. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-3-513-526>. – EDN: DCEVIW.
 37. Эдель Г. Неокантианство сегодня: нерешенные вопросы // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / Под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 532–540.
 38. Beiser Frederick C. (2014) *The Genesis of Neo-Kantianism: 1796–1880*. Oxford: Oxford University Press. – P. 6–8.
 39. Belov V. (2013) *Der Begriff der Geschichte bei Hermann Cohen und Matvej Kagan // Der Begriff der Geschichte im Marburger und südwestdeutschen Neukantianismus*. Hrsg. von Ch. Krijnen und M. de Launay. Würzburg: Königshausen & Neumann, S. 159–171.
 40. Bertolino L., Belov V. N. (2020) Jewishness in Philosophy. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 24, No. 3. – pp. 321–327. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2020-24-3-321-327>. – EDN: KQYOWL.
 41. Boch M. (2024) Transzendentalphilosophie und Post-Neukantianismus. Zur Kontinuität der Problemgeschichte der Transzendentalen Systematik im 20. Jahrhundert *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 28. No. 3, pp. 697–716. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-697-716>. – EDN: VPHLMK.
 42. Dober H. M. (2021) Consciousness with Body and Soul: An Attempt at Cohen’s Never-Written Psychology. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 25. No. 3, pp. 420–435. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2021-25-3-420-435>. – EDN: QBWSMH.

43. Dvorkin I. (2021) Bakhtin and Cohen: The First Stages in Building the Philosophical System. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 25. No. 3, pp. 436–456. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2021-25-3-436-456>. – EDN: YPGIFF.
44. Edel G. (2024) Wolfgang Marx als Post-Neukantianer: Die Reflexion der Reflexion der Reflexion. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 28. No. 3, pp. 717–725. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-717-725>. – EDN: VRQNOL.
45. Gamba E. (2019) The Problem of Individuality in Hermann Cohen's Aesthetics. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 23. No. 4, pp. 413–419. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-4-413-419>. – EDN: ZNTSUJ.
46. Gamba E. (2021) The Artistic Representation of Jesus in Hermann Cohen's Aesthetics. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 25. No. 3, pp. 404–419. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2021-25-3-404-419>. – EDN: FIVUJV.
47. Holzhey H. (1986) Cohen und Natorp. Bd. 1: Ursprung und Einheit. Die Geschichte der «Marburger Schule» als Auseinandersetzung um die Logik des Denkens. Bd. 2: Der Marburger Neukantianismus in Quellen. Zeugnisse kritischer Lektüre -Briefe der Marburger -Dokumente zur Philosophiepolitik der Schule. Basel: Schwabe.
48. Krijnen Ch. (2024) Post-Neo-Kantian Idealism. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 28. No. 3, pp. 653–669. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-653-669>. – EDN: YDRTAU.
49. Kuhn M (2010) Interpreting Kant Correctly: On the Kant of the Neo-Kantians // Makkreel, Rudolph and Luft, Sebastian, «Neo-Kantianism in Contemporary Philosophy». Books by Marquette University Faculty. S. 126.
50. Noras A. Ja. (2020) Post-Neo-Kantianism. What is this? *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 24. No. 1, pp. 89–98. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2020-24-1-89-98>. – EDN: QHZKSN.
51. Poma A. (2017) Cadenzas. Philosophical Notes for Postmodernism. Cham : Springer, 244 p.
52. Poma A., Belov V. N. (2021) Is Hermann Cohen a Classical Philosopher? *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 25. No. 3, pp. 371–377. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2021-25-3-371-377>. – EDN: SLDEKA.
53. Stolzenberg J. (1995) Ursprung und System. Probleme der Begründung systematischer Philosophie im Werk Hermann Cohens, Paul Natorps und beim frühen Martin Heidegger. Göttingen.
54. Vladimir Belov (2016) Hermann Cohens Lehre in Russland: Besonderheiten der Rezeption. *Folia Philosophica*. No. 35. Katowice, pp. 9–27.
55. Vladimir Belov (2022) Hermann Cohen in Russian Philosophy of Law // Neo-Kantianism and Cultural Sciences / edited by Giovanni Morrone and Roberto Redaelli. – Napoli : FedOAPress, pp. 319–349.
56. Vladimir N. Belov (2016) Hermann Cohen in the History of Russian Neo-Kantianism. *Russian Studies in Philosophy*. Vol. 54, No. 5, pp. 395–407.
57. Wiedebach H. (2021) Guarding Thought against Self-Destruction. Contradiction and Identity in Cohen and Hegel. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 25. No. 3, pp. 394–403. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2021-25-3-394-403>. – EDN: BPXDAN.
58. Wiedebach H. (2022) Hermann Cohen, Martin Buber, Franz Rosenzweig on Torah: Jewish Teaching versus Law. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 26. No. 3, pp. 523–536. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-523-536>. – EDN: UIAECL.
59. Zeidler K. W. (1995) Kritische Dialektik und Transzendentalontologie. Der Ausgang des Neukantianismus und die post-neukantianische Systematik. Bonn, 372 S.
60. Zeidler K. W. (2024) Der Post-Neukantianismus und das Problem einer Wiederbelebung der Systematischen Transzendentalphilosophie. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 28. No. 3, pp. 635–652. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-635-652>. – EDN: YDGLDL.

References

1. Belov, V. N. (2018) [Autonomy of Reason and the Religion of Revelation in Hermann Cohen's Philosophy of Religion]. *Filosofiya religii: analiticheskiye issledovaniya* [Philosophy of Religion: Analytical Studies]. Vol. 2, No. 2, pp. 51–64. – <https://doi.org/10.21146/2587-683X-2018-2-2-51-64>. (In Russ.).
2. Belov, V. N. (2022) [Hermann Cohen on the Relationship between Judaism and Christianity]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 5, pp. 81–91. – <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-5-81-91>. (In Russ.).
3. Belov, V. N. (2018) [The Method of Infinitesimals as a Principle of the Theory of Knowledge in the Systematic Constructions of G. Cohen]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 3, pp. 68–74. (In Russ.).
4. Belov, V. N. (2002) *Neokantianstvo* [Neo-Kantianism]. Part 2. Paul Natorp. Saratov, 108 p.
5. Belov, V. N. (2018) [The Concept of Religion in the System of Hermann Cohen's Philosophy]. *Judaica Petropolitana* [Judaica Petropolitana]. Vol. 9, pp. 97–102. (In Russ.).
6. Belov, V. N. (2024) [Hermann Cohen's Psychology]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 6,

pp. 124–134. – <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-6-124-134>. (In Russ.).

7. Belov, V. N. (2014) [Reception of Cohen's Ethics in Russia]. *Kantovskiy sbornik* [Kantian journal]. Vol. 4 (50), pp. 98–110. (In Russ.).

8. Belov, V. N. (2006) [Hermann Cohen's System of Critical Idealism]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 4, pp. 144–150. (In Russ.).

9. Belov, V. N. (2016) [Modern Researches of Hermann Cohen's Philosophy]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 6, pp. 218–222. (In Russ.).

10. Belov, V. N. (2010) [Hermann Cohen's Teaching in Russia: Peculiarities of Reception]. *Neokantianstvo nemetskoye i russkoye: mezhdru teoriyey poznaniya i kritikoy kul'tury* [German and Russian Neo-Kantianism: Between the Theory of Knowledge and Critique of Culture]. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), pp. 299–317. (In Russ.).

11. Belov, V. N. (2008) [Hermann Cohen's Philosophy of Culture]. *Kantovskiy sbornik* [Kantian journal]. Vol. 1 (27), pp. 74–81. (In Russ.).

12. Belov, V. N. (2020) [Cohen's and Natorp's Philosophy of Religion: The Debate on the Limits of Reason]. *Kantovskiy sbornik* [Kantian journal]. Vol. 39, No. 3, pp. 54–71. – <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2020-3-3>. (In Russ.).

13. Belov, V. N. (2021) *Filosofskaya sistema Germana Kogena* [Hermann Cohen's Philosophical System]. Moscow: LENAND, 256 p. (In Russ.).

14. Belov, V. N. (2003) [Ernst Cassirer. Philosophy of Symbolic Forms]. Vol. 1. Language. 272 p. Vol. 2. Mythological Thinking. 280 p. Vol. 3. Phenomenology of Cognition. 398 p. Moscow, St. Petersburg: University Book. 2002. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 12, pp. 177–182. (In Russ., transl. from German).

15. Belov, V. N. (2014) [Ethics in the System of Philosophical Criticism of Hermann Cohen]. *Eticheskaya mysl* [Ethical Thought]. Vol. 14, pp. 174–199. (In Russ.).

16. Belov, V. N. (2015) [Is Hermann Cohen a Neo-Kantian?]. *Kantovskiy sbornik* [Kantian journal]. Vol. 3 (53), pp. 38–45. – <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2015-3-3>. (In Russ.).

17. Belov, V. N. (2021) [Hermann Cohen's Philosophy of Religion and Western Christianity]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities]. Series 1: Theology. Philosophy. Religious Studies. Vol. 94, pp. 23–36. – <https://doi.org/10.15382/sturI202194.23-36>. (In Russ.).

18. Windelband, W. (1995) [Plato]. *Vil'gel'm Vindel'band Izbrannoye: Dukh i istoriya* [Wilhelm Windelband Selected: Spirit and History]. Moscow: Jurist, pp. 365. (In Russ.).

19. Windelband, W. (1997) *Istoriya filosofii* [History of Philosophy]. Kyiv, 553 p.

20. Windelband, W. (1995) [Preludes]. *Vil'gel'm Vindel'band Izbrannoye: Dukh i istoriya* [Wilhelm Windelband Selected: Spirit and History]. M.: Jurist, pp. 21. (In Russ.).

21. Windelband, V. (1995) [Philosophy in the German Spiritual Life of the 19th Century]. *Vil'gel'm Vindel'band Izbrannoye: Dukh i istoriya* [Wilhelm Windelband Selected Works: Spirit and History]. M.: Jurist, pp. 295. (In Russ.).

22. Windelband, V. (1995) [What is Philosophy? (On the Concept and History of Philosophy)]. *Vil'gel'm Vindel'band Izbrannoye: Dukh i istoriya* [Wilhelm Windelband Selected Works: Spirit and History]. M.: Jurist, pp. 22–58. (In Russ.).

23. Gaidenko, P. P. (1978) [The Principle of Universal Mediation in the Neo-Kantianism of the Marburg School]. *Kant i kantianty* [Kant and the Kantians]. M.: Science, 359 p. (In Russ.).

24. Dmitrieva, N. A. (2010) [Neo-Kantianism and Leo Tolstoy: from «science-based learning» to the doctrine of man]. *Neokantianstvo nemetskoye i russkoye: mezhdru teoriyey poznaniya i kritikoy kul'tury* [German and Russian Neo-Kantianism: between the theory of knowledge and the criticism of culture]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), pp. 379–400. (In Russ.).

25. Dmitrieva, N. A. (2007) *Neokantianstvo nemetskoye i russkoye: mezhdru teoriyey poznaniya i kritikoy kul'tury* [Russian Neo-Kantianism: «Marburg» in Russia. Historical and philosophical essays]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 512 p.

26. Zhuchkov, V. A. (1978) [Kant's System and Its Transformation in Neo-Kantianism]. *Kant i kantianty* [Kant and the Kantians]. M.: Science, pp. 24. (In Russ.).

27. Cohen, G. (2012) *Teoriya opyta Kanta* [Kant's Theory of Experience]. M.: Academicheskii Proekt, 618 p. (In Russ., transl. from German).

28. Krainen, K., Belov, V. N. (2008) [Studying Neo-Kantianism: Reading Instructions]. *Kantovsky sbornik* [Kantian journal]. Vol. 2 (28), pp. 66–73. (In Russ.).
29. Natorp, P. (2006) [Kant and the Marburg School]. *Paul' Natorp Izbrannyye raboty* [Paul Natorp Selected Works]. M., pp. 119–144. (In Russ.).
30. Poma, A. (2012) *Kriticheskaya filosofiya Germana Kogena* [Hermann Cohen's Critical Philosophy]. M.: Academicheskii Proekt, 319 p. (In Russ., transl. from Italian).
31. Semenov, V. E. (2023) [Kant and the Marburg School]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy]. Vol. 27, No. 3, pp. 541–555. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-3-541-555>. (In Russ.).
32. Sokuler, Z. A. (2021) [Hermann Cohen and his idea of the logic of pure knowledge]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy]. Vol. 25, No. 3, pp. 378–393. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2021-25-3-378-393>. (In Russ.).
33. Sokuler, Z. A. (2008) *German Kogen i filosofiya dialoga* [Hermann Cohen and the philosophy of dialogue]. Moscow: Progress-Tradition, 312 p.
34. Sokuler, Z. A. (2019) [The concept of virtue in the religious philosophy of Hermann Cohen]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy]. Vol. 23, No. 4, pp. 398–412. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-4-398-412>. (In Eng.).
35. Chernov, S. A. (2004) [Kantians against Jacobi]. *Credo new* [Credo new]. Vol. 4, pp. 1. (In Russ.).
36. Chernov, S. A. (2023) [Friedrich Jacobi: Only a Madman Can Be a Follower of Kant!]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy]. Vol. 27, No. 3, pp. 513–526. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-3-513-526>. (In Russ.).
37. Edel, G. (2010) [Neo-Kantianism Today: Unresolved Issues]. *Neokantianstvo nemetskoye i russkoye: mezhdru teoriyey poznaniya i kritikoy kul'tury* [German and Russian Neo-Kantianism: Between the Theory of Knowledge and Critique of Culture]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), pp. 532–540. (In Russ.).
38. Beiser, Frederick C. (2014) *The Genesis of Neo-Kantianism: 1796–1880*. Oxford: Oxford University Press, pp. 6–8. (In Eng.).
39. Belov, V. (2013) *Der Begriff der Geschichte bei Hermann Cohen und Matvej Kagan. Der Begriff der Geschichte im Marburger und südwestdeutschen Neukantianismus*. Hrsg. von Ch. Krijnen und M. de Launay. Würzburg: Königshausen & Neumann, pp. 159–171. (In Eng.).
40. Bertolino, L., Belov, V. N. (2020) *Jewishness in Philosophy*. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 24, No. 3, pp. 321–327. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2020-24-3-321-327>. (In Eng.).
41. Boch, M. (2024) *Transzendentalphilosophie und Post-Neukantianismus. Zur Kontinuität der Problemgeschichte der Transzendentalen Systematik im 20. Jahrhundert* *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 28. No. 3, pp. 697–716. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-697-716>. (In Eng.).
42. Dober, H. M. (2021) *Consciousness with Body and Soul: An Attempt at Cohen's Never-Written Psychology*. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 25. No. 3, pp. 420–435. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2021-25-3-420-435>. (In Eng.).
43. Dvorkin, I. (2021) *Bakhtin and Cohen: The First Stages in Building the Philosophical System*. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 25. No. 3, pp. 436–456. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2021-25-3-436-456>. (In Eng.).
44. Edel, G. (2024) *Wolfgang Marx als Post-Neukantianer: Die Reflexion der Reflexion der Reflexion*. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 28. No. 3, pp. 717–725. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-717-725>. (In Eng.).
45. Gamba, E. (2019) *The Problem of Individuality in Hermann Cohen's Aesthetics*. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 23. No. 4, pp. 413–419. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-4-413-419>.
46. Gamba, E. (2021) *The Artistic Representation of Jesus in Hermann Cohen's Aesthetics*. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 25. No. 3, pp. 404–419. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2021-25-3-404-419>. (In Eng.).
47. Holzhey, H. (1986) *Cohen und Natorp*. Bd. 1: Ursprung und Einheit. Die Geschichte der „Marburger Schule“ als Auseinandersetzung um die Logik des Denkens. Bd. 2: Der Marburger Neukantianismus in Quellen. *Zeugnisse kritischer Lektüre -Briefe der Marburger -Dokumente zur Philosophiepolitik der Schule*. Basel: Schwabe. (In German).
48. Krijnen, Ch. (2024) *Post-Neo-Kantian Idealism*. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 28. No. 3, pp. 653–669. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-653-669>. (In Eng.).
49. Kuhn, M. (2010) *Interpreting Kant Correctly: On the Kant of the Neo-Kantians*. Makkreel, Rudolph and Luft,

Sebastian, «Neo-Kantianism in Contemporary Philosophy» (2010). *Books by Marquette University Faculty*, pp. 126. (In Eng.).

50. Noras, A. Ja. (2020) Post-Neo-Kantianism. What is this? *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 24. No. 1, pp. 89–98. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2020-24-1-89-98>. (In Eng.).

51. Poma, A. (2017) Cadenzas. Philosophical Notes for Postmodernism. *Cham : Springer*, 244 p.

52. Poma, A., Belov, V. N. (2021) Is Hermann Cohen a Classical Philosopher? *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 25. No. 3, pp. 371–377. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2021-25-3-371-377>. (In Eng.).

53. Stolzenberg, J. (1995) Ursprung und System. Probleme der Begründung systematischer Philosophie im Werk Hermann Cohens, Paul Natorps und beim frühen Martin Heidegger. *Göttingen*. (In German).

54. Vladimir Belov (2016) Hermann Cohens Lehre in Russland: Besonderheiten der Rezeption. *Folia Philosophica*. Vol. 35. Katowice, pp. 9–27. (In Eng.).

55. Vladimir Belov (2022) Hermann Cohen in Russian Philosophy of Law. Neo-Kantianism and Cultural Sciences. Edited by Giovanni Morrone and Roberto Redaelli. Napoli : FedOAPress, pp. 319–349. (In Eng.).

56. Vladimir N. Belov (2016) Hermann Cohen in the History of Russian Neo-Kantianism. *Russian Studies in Philosophy*. Vol. 54, No.5, pp. 395–407. (In Eng.).

57. Wiedebach, H. (2021) Guarding Thought against Self-Destruction. Contradiction and Identity in Cohen and Hegel. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 25. No. 3, pp. 394–403. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2021-25-3-394-403>. (In Eng.).

58. Wiedebach, H. (2022) Hermann Cohen, Martin Buber, Franz Rosenzweig on Torah: Jewish Teaching versus Law. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 26. No. 3, pp. 523–536. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-523-536>. (In Eng.).

59. Zeidler, K. W. (1995) Kritische Dialektik und Transzendentalontologie. *Der Ausgang des Neukantianismus und die post-neukantianische Systematik*. Bonn, 372 p. (In German).

60. Zeidler, K. W. (2024) Der Post-Neukantianismus und das Problem einer Wiederbelebung der Systematischen Transzendentalphilosophie. *RUDN Journal of Philosophy*. Vol. 28. No. 3, pp. 635–652. – <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-3-635-652>. (In German).

Информация об авторе:

Владимир Николаевич Белов, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

ORCID iD: 0000-0003-3833-6506, **Scopus Author ID:** 57193879125, **Researcher ID:** K-4793-2017

e-mail: belov_vn@pfur.ru

Владимир Николаевич Белов окончил в 1984 году исторический факультет Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (СГУ). В 1997 году защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук на тему «Обыденное сознание: бытийственность, феномены, целостность», в 2001 ему было присвоено ученое звание профессора.

С 2017 года и по настоящее время В. Н. Белов является заведующим кафедрой онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН им. Патриса Лумумбы), а также главным редактором журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия». Он входит в состав редколлегии российских и международных научных журналов: «Отечественная философия» (Институт философии РАН), «Кантовский сборник» (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград), «Journal of Language and Education» (Высшая школа экономики, Москва), «Личность. Культура. Общество» (Москва), «Вестник Российского философского общества» (Москва), «Трансцендентальный журнал» (Москва), «Neukantianismus-Forschung Aktuell» (г. Амстердам).

Владимир Николаевич имеет более 200 публикаций, среди них на немецком, английском, французском, итальянском и польском языках. Под его руководством защищены докторские и кандидатские диссертации.

В. Н. Белов, являясь ведущим российским философом в области Марбургской школы неокантианства и её главы – философа Германа Когена, стал руководителем научной школы по исследованию немецкого и русского неокантианства и предложил новаторскую периодизацию русского неокантианства:

– подготовительный период (1840–1890), связанный с переводами основных произведений И. Канта и их критической интерпретацией;

– классический период (1890–1910), связанный с Петербургской школой А. И. Введенского;

– неклассический период (1910–1940), характеризующийся творческим отношением к идеям немецкого неокантианства.

В данной научной деятельности В. Н. Белов продемонстрировал важные результаты, в частности:

– во-первых, доказал общность проблем и тем представителей русского неокантианства и русской религиозной философии: Вера, Иррациональное, Мистика;

– во-вторых, организовал в Саратове в 2002 году первую в России международную конференцию, посвященную философии Германа Когена;

– в-третьих, осуществил первый перевод на русский язык одного из основных трудов родоначальника марбургского неокантианства «Теория опыта Канта» (Kants Theorie der Erfahrung), публикация которого в 2012 г. была поддержана грантом Института им. Гёте,

– в-четвёртых, выполняя грант Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Система философии В. Э. Сеземана» на работу в архиве философа в г. Вильнюс (Литва), В. Н. Беловым были подготовлены к публикации неизвестные ранее рукописи.

В. Н. Белов занимается широкой научной и общественной деятельностью в России и за рубежом, проявляя активное членство в сообществах. Он является членом Президиума международного когеневского общества (Цюрих), Российского философского общества, он ассоциированный член Die Archivbibliothek «Post-Neukantianismus und kritischer Idealismus der Gegenwart» wurde am 01.10.2021 an der Bergischen Universität Wuppertal gegründet. Ziel der Archivbibliothek ist die Erforschung der systematischen Transzendentalphilosophie in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts und im 21. Jahrhunderts (Archivbibliothek für Post-Neukantianismus und kritischen Idealismus der Gegenwart (APIG) – Institut für Transzendentalphilosophie und Phänomenologie (itp-buw.de).

Выполняет работу как член Экспертного совета по проведению государственной религиозоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Саратовской области с 2014 года.

Владимир Николаевич является членом диссертационных советов: 33.2.013.04 (философские науки) на базе Московского педагогического государственного университета, 24.2.331.23 (философские науки) на базе Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, ПДС 1000.002 (социологические науки) на базе РУДН.

Статья поступила в редакцию: 13.01.2025; принята в печать: 30.01.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Vladimir Nikolaevich Belov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

ORCID iD: 0000-0003-3833-6506, **Scopus Author ID:** 57193879125, **Researcher ID:** K-4793-2017

e-mail: belov_vn@pfur.ru

Vladimir Nikolaevich Belov graduated from the History Department of the Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky (SSU) in 1984. In 1997, he defended his dissertation for the degree of Doctor of Philosophy on the topic «Everyday Consciousness: Existence, Phenomena, Integrity», in 2001 he was awarded the academic title of professor.

From 2017 to the present, V. N. Belov is the head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge at the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University named after Patrice Lumumba), as well as the editor-in-chief of the journal «Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy». He is a member of the editorial boards of Russian and international scientific journals: «National Philosophy» (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences), «Kantian journal» (Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad), «Journal of Language and Education» (Higher School of Economics, Moscow), «Personality. Culture. Society» (Moscow), «Bulletin of the Russian Philosophical Society» (Moscow), «Transcendental Journal» (Moscow), «Neukantianismus-Forschung Aktuell» (Amsterdam).

Vladimir Nikolaevich has more than 200 publications, including in German, English, French, Italian and Polish. Doctoral and candidate dissertations have been defended under his supervision. V. N. Belov, being a leading Russian philosopher in the field of the Marburg school of neo-Kantianism and its head, the philosopher Hermann Cohen, became the head of a scientific school for the study of German and Russian neo-Kantianism and proposed an innovative periodization of Russian neo-Kantianism:

- the preparatory period (1840–1890), associated with the translations of the main works of I. Kant and their critical interpretation;
- the classical period (1890–1910), associated with the St. Petersburg school of A. I. Vvedensky;
- the non-classical period (1910–1940), characterized by a creative attitude to the ideas of German neo-Kantianism.

In this scientific activity, V. N. Belov demonstrated important results, in particular:

- firstly, he proved the commonality of problems and themes of representatives of Russian neo-Kantianism and Russian religious philosophy: Faith, Irrational, Mysticism;
- secondly, he organized the first international conference in Russia dedicated to the philosophy of Hermann Cohen in Saratov in 2002;
- thirdly, he carried out the first translation into Russian of one of the main works of the founder of Marburg neo-Kantianism, «Kant's Theory of Experience» (Kants Theorie der Erfahrung), the publication of which in 2012 was supported by a grant from the Goethe Institute;
- fourthly, while fulfilling the grant of the Russian Humanitarian Scientific Foundation (RHF) «The System of Philosophy of V.E. Sesemann» for work in the philosopher's archive in Vilnius (Lithuania), V. N. Belov prepared previously unknown manuscripts for publication.

V. N. Belov is engaged in broad scientific and social activities in Russia and abroad, demonstrating active membership in communities. He is a member of the Presidium of the International Cohen Society (Zurich), the Russian Philosophical Society, and an associate member of the Archives of the Library of the Post-Neukantian Movement and the Critical Idealism of the Soviet Union published on 1st October 2021 at the Bergischen Universität Wuppertal. The Archives of the Library is the study of systematized transdental philosophy in the two years of the 20th century and the 21st century (Archivbibliothek für Post-Neukantianismus und Kritischen Idealismus der Gegenwart (APIG) – Institut für Transzentralfilosophie und Phänomenologie (itp-buw.de).

Vladimir Nikolaevich has performed the work as a member of the Expert Council for conducting state religious studies examination under the Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Saratov Region since 2014.

Vladimir Nikolaevich is a member of the dissertation councils: 33.2.013.04 (philosophical sciences) based on the Moscow State Pedagogical University, 24.2.331.23 (philosophical sciences) based on the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, PDS 1000.002 (sociological sciences) based on RUDN.

The paper was submitted: 13.01.2025.

Accepted for publication: 30.01.2025.

The author has read and approved the final manuscript.